

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Четвертая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

IV.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Часть четвёртая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографії Императорской Россійской Академіи.

—
1 8 3 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ при экземпляра.

С. Петербургъ, 29 Апрѣля 1855 года.

Цензоръ *A. Накитенко*

Г У С А Р Ъ.

(1 8 3 3).

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Г У С А Р Ъ.

Скребицей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распоклятую квартиру!»

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
 Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой. . . .
 Не бось, не выманишь за дверь
 Ея ни чеспью, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ ! Что за край !
 Валяпся сами въ ропѣ голушки,
 Виномъ хопѣ пару поддавай,
 А молодицы — молодушки !

Ей ей, не жаль оштапть души
 За взглядъ красотки *гернобривой*.
 Однимъ, однимъ не хороши. . . . »
 — А чѣмъ же ? разскажи, служивой.

Онъ спалъ крутишь свой длинный усъ
 И началъ : « Молвить безъ обиды,
 Ты, хлопецъ, можешь бысть, не прусъ,
 Да гаупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
 Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
 Была пригожа и добра,
 А мужъ-шо померъ, замѣчай-ка.

Вопѣ съ ней и подружился я;
 Живемъ согласно, такъ что любо:
 Прибью — Марусинъка моя
 Словечка не промолвишъ грубо;

Напьюсь — уложишься, и сама
 Опохмѣлишься приголовишъ;
 Мигну бывало: Эй, кума! —
 Кума ни въ чемъ не прекословиши.

Кажись, о чёмъ бы горевашь?
 Живи въ довольствѣ, безобидно!
 Да нѣть: я вздумалъ ревновать.
 Что дѣлать? врагъ попуташъ видно.

За чѣмъ бы ей, спалъ думашь я,
 Вспавать до пѣтуховъ ! Кто просинъ ?
 Шалишъ Марусинъка моя ;
 Куда ее лукавый носинъ ?

Я спалъ присматривашь за ней.
 Разъ я лежу, глаза прищуря,
 (А почъ была птиорьмы чернѣй
 И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу : кумушка моя
 Съ печи тихохонъко прыгнула,
 Слегка обшарила меня,
 Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла,
 Да въ угломокъ пошла со свѣчкой,
 Тамъ съ полки скляночку взяла,
 И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздѣлась донага ; пошомъ
 Изъ склянки шри раза хлѣбнула,
 И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
 Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге ! смекнулъ въ минуту я :
 Кума-то, видно, басурмашка !
 Постой, голубушка моя ! . . .
 И съ печки слѣзъ — и вижу : склянка.

Попюхалъ : кисло ! чпо за дрянь !
 Плеснуль я на полъ : чпо за чудо ?
 Прыгнуль ухватъ, за нимъ лаханъ,
 И оба въ печь. Я вижу : худо !

Гляжу : подъ лавкой дремлетъ кошъ;
 И на него я брызнуль склянкой —
 Какъ фыркнешь онъ ! я : брысь ! . . . И вонъ
 И онъ шуда же за лаханкой.

Я ну кропить во всѣ углы
 Съ плеча, во что ужъ ни попало ;
 И все : горшки, скамьи, столовы,
 Маршъ ! маршъ ! все въ печку поскакало.

Кой чорпть ! подумаль я : теперъ
 И мы попробуемъ ! и духомъ
 Всю склянку выпиль ; вѣрь не вѣрь —
 Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Спремглавъ лечу, лечу, лечу,
 Куда, не помню и не знаю ;
 Лишь вспрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу :
 Правѣй ! . . . и на земь упадаю.

Гляжу : гора. На шой горѣ
 Кипятъ копы ; поюпть, играютъ,
 Свистятъ, и въ мерзоспной игрѣ
 Жида съ лягушкою вѣщаютъ.

Я плюнулъ и сказашь хопѣль. . . .

И вдругъ бѣжитъ моя Маруся :

Домой ! Кто звалъ шебя, поспрѣль ?

Тебя съѣдяшь ! Но я, не спруся :

Домой ? да ! чорта съ два ! почемъ

Миѣ знать дорогу ! — Ахъ, онъ спрашній !

Вопѣ кочерга , садись верхомъ

И убирайся , окаянныій.

Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,

Гусаръ присяжный ! Ахъ ты, дура !

Или предался я врагу ?

Иль у шебя двойная шкура ?

Коня ! — На, дурень, вонѣ и конь.

И точно : конь передо мною ,

Скребешъ копытомъ, весь огонь ,

Дугою шея, хвостомъ трубою.

Садись. — Вопь съль я на коня,
 Ищу уздечки, — пѣшь уздечки.
 Какъ взвился, какъ понесъ меня —
 И очутились мы у печки.

Гляжу: все шакже; самъ же я
 Сижу верхомъ и подо мною
 Не конь — а старая скамья:
 Вопь чпо случаепся порою.

И спалъ крушилъ онъ длинный усть,
 Прибавя: молвишь безъ обиды,
 Ты хлопецъ, можешъ бышь, не прусъ,
 Да гаупъ, а мы видали виды.

С К А З К А.

(1 8 5 3).

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

С К А З К А

о

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЬ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею проспился,

Въ пушь - дорогу снарядился,

И Царица у окна

Съла ждать его одна.

Ждепть - пождепть съ упра до ночи,

Смопримпъ въ поле, инда очи

Разболѣлись глядючи

Съ бѣлой зори до ночи,

Не видать милова друга!
Только видитъ: въеется выюга,
Спѣгъ валился на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девятъ мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вопь въ сочельникъ въ самый, въ ночь
Богъ даетъ Царицѣ дочь.
Рано упромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, иаконецъ
Воропился Царь - ошецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенія не спесла,
И къ обѣди умерла.
Долго Царь былъ неутѣшенъ,
Но какъ бышъ? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица
 Ужъ и впрямъ была Царица:
 Высока, спройна, бѣла,
 И умомъ и всѣмъ взяла;
 Но за то горда, ломлива,
 Своенравна и ревнича.
 Ей въ приданое дано
 Было зеркальце одно;
 Свойство зеркальце имѣло:
 Говоришь оно умѣло.
 Съ нимъ однимъ она была
 Добродушна, весела,
 Съ нимъ привѣсливо шупила,
 И красуясь говорила:
 »Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
 »Да всю правду доложи:
 »Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 »Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
 И ей зеркальце въ опівѣти:
 »Ты, конечно, спору нѣши;

»Ты, Царица, всѣхъ милѣе,
 »Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«
 И Царица хохопашь,
 И плечами пожимашь,
 И подмигивашь глазами,
 И прищелкивашь перстами,
 И вертѣшься подбочась,
 Гордо въ зеркальце глядяся.
 Но Царевна молодая,
 Тихомолкомъ разцвѣшая,
 Между пѣмъ росла, росла,
 Поднялась — и разцвѣла.
 Бѣлоница, черноброва,
 Нраву кромкаго шакова.
 И женихъ сыскался ей,
 Королевичъ Елисей.
 Сватъ пріѣхалъ, Царь далъ слово,
 А приданое готово:
 Семь торговыхъ городовъ,
 Да сто сорокъ деревень.

На дѣвичникъ собираясь,
 Вопль Царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвилася съ нимъ:
 »Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 »Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
 Чѣмъ же зеркальце въ отвѣтъ?
 »Ты прекрасна, спору нѣшь;
 »Но Царевна всѣхъ милѣе,
 »Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«
 Какъ Царица отпрыгнула,
 Да какъ ручку замахнешъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнешъ,
 Каблучкомъ - то какъ притопнешъ! . . .
 »Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Эшто врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ шлягашся ей со мною?
 Я въ неї дуръ - то успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, чѣмъ бѣла;

Часть IV.

Мать беременна сидѣла,
 Да па спѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь міръ; мнѣ ровной нѣсть.
 Такъ - ли? « Зеркальце въ опѣти:
 »А Царевна все жъ милѣе,
 Все жъ румяный и бѣлыс.«
 Дѣлать нечего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сѣнной дѣвушкѣ своей,
 Везшь Царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставилъ тамъ
 На същеніе волкамъ.

Чорпъ ли сладишъ съ бабой гаѣвной?
 Споритъ нечего. Съ Царевной
 Вопъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ шакую даль свела,
 Чпо Царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,
 И взмолилася. »Жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я Царица,
 Я пожалую тебѧ.«
 Та, въ душѣ ея любя,
 Не убила, не связала,
 Опипустила и сказала:
 »Не кручинься, Богъ съ тобою.«
 А сама пришла домой.
 »Чпо?« сказала ей Царица,
 »Гдѣ красавица - дѣвица?«
 — »Тамъ въ лѣсу, споитъ одна,«
 Отвѣчаетъ ей она;

»Крѣпко связаны ей локти;
 Попадется звѣрю въ когти,
 Меньше будешь ей терпѣть,
 Легче будешь умереть.«

И молва прозвониша спала:
 Дочка Царская пропала!
 Тужиши бѣдный Царь по ней.
 Королевичъ Елисей,
 Помолаясь усердно Богу,
 Оправляетъся въ дорогу
 За красавицей - душой,
 За невѣстой молодой.

Но невѣста молода,
 До зари въ лѣсу блуждая,
 Между пѣмъ все шла да шла,
 И на перемъ набрела.
 Ей на встрѣчу песъ, залая,
 Прибѣжалъ и смолкъ, играя;

Въ ворота вошла она,
 На подворье пишина.
 Песъ бѣжитъ за ней, ласкался,
 А Царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльце
 И взялася за кольцо;
 Дверь шихонько опроверглась,
 И Царевна очутилась
 Въ свѣплой горницѣ; кругомъ
 Лавки, крыптия ковромъ,
 Подъ святыми сполъ дубовый,
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ дѣвица, что шутъ
 Люди добрые живущи;
 Знать, не будешъ ей обидно.
 Никого межъ шѣмъ не видно.
 Домъ Царевна обошла,
 Все порядкомъ убрала,
 Заставила Богу свѣчку,
 Запопила жарко печку,

22

На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался,
Топотъ по двору раздался :
Входяпъ семь богатырей ,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: »Что за диво!
Все шакъ чисто и красиво.
Кто - то шеремѣтъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто - же? выдѣ и покажися,
Съ нами чесочно подружися :
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ.
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый.
Коль спарушка, будь намъ машь,
Такъ и спанемъ величашь.

Коли красная девица,
Будь намъ милая сестрица!»

И Царевна къ нимъ сонла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ визко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что - де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи шѣ спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносѣ подавали.
Ошь зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги опыхала

Опросилась на кровать.
 Опели они дѣвицу
 Вверхъ во свѣтлую свѣплницу,
 И оставили одну
 Ошходящую ко сну.

День за днемъ идеть, мелькая,
 А Царевна молодая
 Все въ лѣсу, не скучно ей
 У семи богатырей.
 Передъ утренней зарею
 Бранья дружною полною
 Выѣзжаютъ погулять,
 Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
 Руку правую попѣшишь,
 Сорочина въ полѣ спѣшишь,
 Иль башку съ широкихъ плечъ
 У Ташарина опсѣчь,
 Иль выправишь изъ лѣса
 Пятигорскаго Черкеса.

А хозяюшкой она
 Въ шерему межъ тѣмъ одна
 Приберегъ и приготовилъ.
 Имъ она не прекословиши,
 Не перечашъ ей они.
 Такъ идупъ за днями дни.

Брапья милую дѣвицу
 Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
 Разъ, лишь только разсвѣло,
 Всѣхъ ихъ семеро вошло.
 Спаршій молвиль ей: «Дѣвица,
 Знаешь: всімъ ты намъ сесприца,
 Всѣхъ нась семеро, тебя
 Всѣ мы любимъ, за себя
 Взяпъ тебя мы всѣ бы ради,
 Да пельзя, шакъ Бога ради,
 Помири нась какъ нибудь:
 Одному женою будь,
 Прочимъ ласковой сеспрою.

Что жъ качаешь головою?

Аль отказываешь намъ?

Аль шоваръ не по купцамъ?»

— »Ой вы, молодцы чеспные,

Братцы вы мои родные,«

Имъ Царевна говорить:

»Коли лгу, пусть Богъ величъ

Не сойти живой мнѣ съ мѣста.

Какъ мнѣ бытъ? вѣдь я невѣста.

Для меня вы все равны,

Все удали, все умны,

Всея я васъ люблю сердечно;

Но другому я навѣчно

Опдана. Мнѣ всѣхъ милѣй

Королевичъ Елисей.

Братья молча поспояли,

Да въ затылкѣ почесали.

«Спроси не грѣхъ. Прости ты насть,»

Старший молвилъ поклонясь:
 »Коли шакъ, не заикнуся
 Ужъ о томъ.« — »Я не сержуся,«
 Тихо молвила она;
 »И отказать мой не вина.«
 Женихи ей поклонились,
 Пошихоньку удалились,
 И согласно всѣ опять
 Спали жить да поживанье.

Между тѣмъ Царица злая,
 Про Царевну вспоминая,
 Не могла прощить ее,
 А на зеркальце свое
 Долго дулась и сердилась ;
 Наконецъ обѣ немъ хватилась
 И пошла за нимъ, и съвъ
 Передъ нимъ, забыла гневъ,
 Красоваться снова спала,
 И съ улыбкою сказала:

«Здравствуй, зеркальце ! скажи,
 Да всю правду доложи :
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И сей зеркальце въ отвѣтѣ :
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ ;
 Но живѣть безъ всякой славы,
 Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
 Та, что все жъ тебѣа милѣй.»
 И Царица наленила
 На Чернавку : «Какъ ты смѣла
 Обманушъ меня ? и въ чемъ ! . . . »
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила имъ не жиць,
 Имъ Царевну погубить.
 Разъ Царевна молодая,
 Многихъ брашьевъ поджидал,

Пряла, спдя подъ окномъ.
 Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
 Песь залаялъ, и дѣвица
 Видитъ : нищая черница
 Ходитъ по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка , постой немножко,»
 Ей кричитъ она въ окошко,
 «Пригрожу сама я псу
 И кой-что тебѣ снесу.»
 Опивъчаетъ ей черница :
 «Охъ ты, дипяпко дѣвица !
 Песь проклятый одолълъ ,
 Чупь до смерти не забълъ.
 Посмотри, какъ онъ хлопочетъ !
 Выдь ко мнѣ.» — Царевна хочешь
 Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
 Но съ крылечка лишь сошла,
 Песь сей подъ ноги — и лаетъ,
 И къ спарухѣ не пускается ;

Лишь пойдетъ спаруха къ ией,
 Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
 На спаруху. Чѣто за чудо?
 «Видно выспался онъ худо,»
 Ей Царевна говорить ;
 «На жъ, лови!» и хлѣбъ лепитъ.
 Спарушонка хлѣбъ поймала ;
 «Благодарствую, сказала,
 Богъ тебѣ благослови ;
 Вопль за то тебѣ, лови!»
 И къ Царевнѣ наливное,
 Молодое, золотое,
 Прямо яблочко лепитъ....
 Песь какъ прыгнетъ, завизжитъ....
 Но Царевна въ обѣ руки,
 Хвашь — поймала. «Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свѣтъ.
 Благодарствуй за обѣ!»
 Спарушоночка сказала,
 Поклонилась и пропала.

И съ Царевной на крыльце
 Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
 Жалко смотритъ, грозно воетъ,
 Словно сердце песье ноетъ,
 Словно хочетъ ей сказать :
 Брось ! Она его ласкаетъ,
 Треплетъ нѣжною рукою ;
 Чѣю, Соколко, чѣо съ тобою ?
 Лягъ ! и въ комнату вошла,
 Дверь пихонько заперла,
 Подъ окно за пряжу сѣла
 Ждать хозяевъ, а глядѣла
 Все на яблоко. Оно
 Соку спѣлаго полно,
 Такъ свѣжо и шакъ душисто ,
 Такъ румяно, золотисто ,
 Будто медомъ налилось !
 Видны сѣмечки насквозь.
 Подождапть она хотѣла
 До обѣда, не сперѣла,

Въ руки яблочко взяла,
 Къ алымъ губкамъ поднесла,
 Попихоньку прокусила,
 И кусочекъ проглотила....
 Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Бѣлы руки опустила,
 Плодъ румяный уронила,
 Закаптилися глаза,
 И она подъ образа
 Головой на лавку пала
 И спиха, недвижна спала....
 Братья въ шу пору домой
 Возвращалися штольпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Имъ на встрѣчу, громко воя,
 Песъ бѣжитъ и ко двору
 Пусть имъ кажетъ. Не къ добру !
 Братья молвили; печали
 Не миниумъ. Прискакали,

Входяшъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Иесь на яблоко спремглавъ
 Съ лаемъ кинулся, озлился,
 Проглотилъ его, свалился
 И издохъ. Напоено
 Было ядомъ знать оно.
 Передъ мершвою Царевной
 Братья въ горести душевной
 Всъ поникли головой,
 И съ молитвою святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хоронить ее хотѣли
 И раздумали. Опа,
 Какъ подъ крыльишкомъ у сна,
 Такъ тиха, свѣжа лежала,
 Чѣмъ лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не воспала отъ сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный,
 Вонъ они во гробъ хрустальный
 Частъ IV.

Трупъ Царевны молодой
 Положили, и толпой
 Понесли въ Пустую гору,
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ
 На цѣпяхъ чугунныхъ стамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградили ;
 И предъ мершвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старший молвилъ : «Спи во гробѣ ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
 На землѣ твоя краса ;
 Духъ твой примутъ небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима —
 Не доспалась никому,
 Только гробу одному.»
 Въ топъ же день Царица злая,
 Доброй вѣсти ожидая,

Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣ,
 Всѣхъ румялѣй и бѣлѣ?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, Царица, спору нѣшь,
 Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣ,
 Всѣхъ румялѣй и бѣлѣ.»

За невѣстою своей
 Королевичъ Елисей
 Между пѣмъ по свѣту скачепъ.
 Нѣпъ какъ пѣши! Онъ горько плачепъ,
 И кого не спроситъ онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
 Кто въ глаза ему смѣялся,
 Кто скорѣе отвернѣлся;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Образился молодецъ.
 »Свѣти нашъ солнышко! ты ходишъ

Круглый годъ по небу, сводничь
 Зиму съ теплою весной,
 Всѣхъ насъ видиши подъ собой.
 Аль откажешъ мнѣ въ отвѣтѣ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.« — »Свѣтъ ты мой,«
 Красно солнце отвѣчало:
 »Я Царевны не видало.
 »Знать ее въ живыхъ ужъ несть.
 »Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 »Гдѣ нибудь ее да встрѣтишь,
 »Или слѣдъ ея замѣшишь.«

Темной почки Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой потнался.
 »Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченый рожокъ!

Ты вспаешь во тмъ глубокой,
 Круглицыый, свыплоокой,
 И обычай твой любя,
 Звѣзы смошряшь на тсбя.
 Аль ошкажешь мнъ въ ошвѣши?
 Не видаль ли гдѣ на свѣти
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.« — »Братецъ мой,«
 Ошвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
 »Не видаль я дѣвы красной.
 На спорожѣ я спою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня Царевна видно
 Пробѣжала.« — »Какъ обидно!«
 Королевичъ ошвѣчаль.
 Ясный мѣсяцъ продолжаль:
 »Погоди; обѣ ней бытъ можешъ
 Вѣщерь знаешъ. Онъ поможетъ.
 Ты къ исму шеперъ спупай,
 Не печалься же, прощай.«

Елисей не унывая
 Къ вѣпру кипулся, взывая:
 »Вѣперъ, вѣперъ! Ты могучъ,
 Ты гоняешь спаси пучъ,
 Ты волнуешь сине море,
 Всюду вѣешь на проспорѣ,
 Не боишься никого,
 Кромѣ Бога одного.
 Аль опкажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видаль ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ея. — «Постой,»
 Опівѣчаешь вѣперъ буйный:
 »Гамъ за рѣчкой тихоспруйной
 Есть высокая гора,
 Въ ней глубокая нора;
 Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
 Гробъ качающейся хрустальной
 На цѣпяхъ между сполбовъ.
 Не видать ни чьихъ слѣдовъ

В кругъ того пустаго мѣста,
Въ шомъ гробу твоя невѣста.«

Вѣтеръ далъ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошолъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣспу
Посмотрѣть еще хощь разъ.
Вошь идешъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крушая;
Вокругъ нее спрана пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ шуда скорѣй идешъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качающейся хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ шомъ
Спипъ Царевна вѣчнымъ спомъ.
И о гробѣ невѣспы милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдрогъ

Ожила. Глядитъ вокругъ
 Изумленными глазами,
 И качаясь надъ щёками,
 Привздохнувъ, произнесла:
 «Какъ же долго я спала!»
 И вспаепъ она изъ гроба
 Ахъ! . . . и зарыдали оба.
 Въ руки онъ ее берегъ
 И на свѣтъ изъ шмы пессеть,
 И бесѣдуя пріятно,
 Въ пушь пускаюпся обратно,
 И трубипъ уже молва:
 Дочка Царская жива!

Дома въ шу пору безъ дѣла
 Злая мачиха сидѣла
 Передъ зеркальцемъ своимъ
 И бесѣдовала съ нимъ,
 Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и блѣе?»

И услышала въ отвѣтъ:
 „Ты прекрасна, слова нѣть,
 Но Царевна все жъ милѣе,
 Все румяней и бѣлѣе.“
 Злая мачиха, вскочивъ,
 Объ поль зеркальце разбивъ,
 Въ двери прямо побѣжала
 И Царевну повстрѣчала.
 Тушь ее тоска взяла
 И Царица умерла.
 Лишь ее похоронили,
 Свадьбу шопчасъ учинили,
 И съ невѣстою своей
 Обвенчался Елисей;
 И никто съ начала міра
 Не видалъ такого пира;
 Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ,
 Да усы лишь обмочилъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Б У Д Р Ы С Ъ

И Е Г О С Ы Н О В Ъ Я.

(1833).

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.

Онь пришелъ полкованъ съ молодцами.

Дѣши! сѣдла чините, лошадей проводите,

Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эша: на три стороны свѣта

Три замышлены въ Вильнъ похода.

Пазъ идешъ на Поляковъ, а Ольгердъ па Прусаковъ,

А па Русскихъ Кесшупъ Воевода.

.Юди вы молодые, силачи удалис

(Да хранятъ васъ Литовскіе боги!)

Нынѣче самъ я не ъду, васъ я шлю на побѣду;

Тroe васъ, вонть и три вамъ дороги.

Будешъ всѣмъ по наградѣ: пустъ одинъ въ Новѣградѣ

Поживися опѣ Русскихъ добычей.

Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ парядахъ;

Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой опѣ Прусаковъ, опѣ проклятыхъ Крыжаковъ,

Можешъ много доспашь дорогаго,

Денегъ съ цѣлаго свѣща, суконъ яркаго цвѣща. —

Января — что песку шамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пустъ ударитъ безъ спраха:

Въ Польшѣ мало богатства и блеску,

Сабель взяши шамъ не худо; но ужъ вѣро опишуда

Привезетъ опѣ миѣ на домъ невѣспку.

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы.

Весела — чпо котенокъ у печки —

И какъ роза румяна, а бѣла, чпо смешана;

Очи свѣтящіе будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣши моложе, въ Польшу сѣздили я тоже,

И оттуда привезъ себѣ жонку;

Вошъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю

Про нее, какъ гляжу въ шу споронку.

Сыновья съ пимъ проспились и въ дорогу пустились.

Ждешъ, пождешь ихъ спарикъ домовитый,

Дни за днями проводишъ, ни одинъ не приходитъ.

Будрысь думалъ: ужъ видно убили!

Снѣгъ на землю валился, сынъ дорогою мчился,

И подъ буркою воша большая.

«Чѣмъ тебѣ надѣли? чпо шамъ? Ге! не рубли ли?»

— »Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.«

Спъгъ пущистый валился; всадникъ съ пошою мчишися,
 Черной буркой ес покрываал.
 »Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?«
 — »Нѣпъ, ошецъ мой; Полячка младая.«

Сиѣгъ на землю валился, трепій съ пошою мчишися,
 Черной буркой ее прикрываешъ.
 Старый Будрысь хлопочешъ, и спросишъ ужъ не хочешъ,
 А госпей на три свадьбы сзываешъ.

В О Е В О Д А.

Часть IV.

4

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

В О Е В О Д А.

Поздно почью изъ похода
Воропился Воевода.
Онъ слугамъ величъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постель;
Дернуль пологъ Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
 Онъ попупилъ грозны очи,
 Сталъ крупнить свой сивый усъ
 Рукава назадъ закинулъ,
 Вышелъ вонъ, замокъ зацвилъ;
 «Гей, ты, кликнулъ, чоршовъ кусь!

«А зачѣмъ иѣшь у забора
 Ни собаки, ни запвора?
 Я, васъ, хамы! Дай ружье;
 Пригоповъ мѣшокъ, веревку,
 Да сними съ гвоздя винтовку.
 Ну, за мною! я жъ ес!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ,
 Тихимъ крадунся дозоромъ,
 Входяпть въ садъ — и сквозь вѣтвей,
 На скамейкѣ у фонтана,
 Въ бѣломъ плащѣ, видяпть, панна
 И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «Все пропало,
 Чѣмъ лишь только я, бывало,
 Наслаждался, что любилъ:
 Бѣлой груди вздыhanье,
 Нѣжной ручки пожиманье,
 Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ штобой страдалъ я,
 Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
 Отъ меня ты отперласъ.
 Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
 Серебромъ лишь побрицалъ онъ,
 И ему ты отдаласъ.

Я скакалъ во мракѣ ночи
 Милой панины видѣть очи,
 Руку нѣжную пожапы;
 Пожелать для новоселья
 Много лѣтъ ей и веселья,
 И потомъ павѣкъ бѣжалъ.«

Пани плачепъ и тоскуешъ,
 Онъ колѣни ей цѣлуешъ,
 А сквозь вѣши пгѣ глядяшъ,
 Ружья на земь опустили,
 Но пашрону опкусили,
 Вбили шомполомъ зарядъ.

Подстутили оспорожно.
 »Панъ мой, цѣлишь мнѣ не можно,«
 Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
 »Вѣтеръ, чио ли, плачущъ очи,
 Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣшь мочи,
 Порохъ въ полку не попалъ.«

»Гише ты, гайдучье племя !
 Будешь плакать, дай мнѣ время !
 Сынъ на полку Наводи
 Цѣль сї въ лобъ. Лѣвѣ выше.
 Съ паномъ справлюсь самъ. Попиши;
 Прежде я; ты погоди.«

Выстрелъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

К Р А С А В И Ц А.

(Въ Альвомъ Г****.)

Все въ ней гармонія, все диво,
 Все выше міра и спраспей:
 Она покоїтся спыдливо
 Въ красъ торжественной свой;
 Она кругомъ себя взираєшъ:
 Ей пѣти соперницъ, нѣти подругъ;
 Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
 Въ ся сіянъ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое - бѣ въ сердцѣ ни пипалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но вспрѣпясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишись невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ свышней красоты.

С К А З К А.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

С К А З К А

о

З О Л О Т О МЪ ПѢТУШКЪ.

Ныгдѣ въ тридевятоомъ царствѣ,
 Въ тридесѧтомъ государствѣ,
 Жилъ былъ славный Царь Дадонъ.
 Съ молоду былъ грозенъ онъ
 И сосѣдямъ шо и дѣло
 Наносилъ обиды смѣло,
 Но подъ старошь захопицъ
 Опдохнуши отъ ратныхъ дѣлъ
 И покой себѣ устроишь;
 Тутъ сосѣди беспокоишъ

Стали спараго Царя,
 Спрашный вредъ ему творя.
 Чтобъ концы своихъ владѣній
 Охранять отъ нападеній
 Долженъ былъ онъ содергать
 Многочисленную рашь.
 Воеводы не дремали
 Но ни какъ не успѣвали:
 Ждуши бывало съ Юга, глядь —
 Ань съ Воспока лѣзипъ рапъ,
 Справяши здѣсь, — лихіе гости
 Идутъ отъ моря — со злоспир
 Инда плакалъ Царь Дафонъ,
 Инда забывалъ и сонъ.
 Что и жизнь въ такой шревогъ!
 Вопиъ онъ съ просьбой о помоѓи
 Обратился къ мудрецу
 Звѣздочету и скопцу —
 Шлемъ за нимъ гонца съ поклономъ,
 Вопиъ мудрецъ передъ Дадопомъ

Сталъ и вынудъ изъ мѣшка
 Золотаго пѣпушка.
 Посади ты эту пицу,
 Молвиль онъ Царю, на спицу ;
 Пѣпушокъ мой золотой
 Будешъ вѣрный спорожъ твой :
 Коль кругомъ все будешъ мирно
 Такъ сидѣшь онъ будешъ смирино ;
 Но лишь чутъ со спороны
 Ожидашъ тебѣ войны,
 Иль набѣга силы брашной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣпушокъ
 Приподымешъ гребешокъ,
 Закричишъ и встрепенешися,
 И въ то мѣсто обернешся.
 Царь скопца благодаришъ
 Горы золота сулишъ —
 За такое одолженье,
 Говоришъ онъ въ восхищеньи,

Волю первую свою
Я исполню, какъ мою.

Пѣпушокъ съ высокой спицы,
Сталъ сперечь его границы —
Чуть опасносТЬ гдѣ видна
Вѣрный спорожъ какъ сосна
Шевельнется, вспрененется,
Къ твой споронкъ обернется
И кричишь кири ку ку.
• • • • • • • • •

И соєди присмирели,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ Царь Дадонъ
Даль оппоръ со всѣхъ споронъ.

Годъ другой проходитъ мирно,
Пѣпушокъ сидитъ все смирио;
Вотъ однажды Царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ

Царь ты нашъ! Отецъ народъ!
 Возглашаешь Воевода,
 Государь! проснись! бѣда!
 Чѣмъ такое Господа?
 Говоришь Дадонъ, зѣвал,
 А? Кто памъ? бѣда какая?
 Воевода говоришь:
 Пѣтушокъ опять кричинишь,
 Спрахъ и шумъ во всей столицѣ.
 Царь къ окошку — аиъ на спицѣ,
 Видишъ, бѣется пѣтушокъ
 Обращившись па Востокъ.
 Медлишь нечего: скорѣе!
 Люди, на конъ! Эй, живѣе!
 Царь къ Востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ и Царь забылся.
 Вопль проходилъ восемь дней,
 А опять войска иѣхъ вѣстей:
 Часть IV.

Было - ль, не было - ль сраженья ?
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять —
 Кличетъ Царь другую рапью;
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова ;
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣспи нѣтъ опѣй ихъ
 Снова восемь дней проходяпъ;
 Люди въ страхѣ дни проводяпъ,
 Пѣтушокъ кричитъ опять,
 Царь скликаетъ трепью рапью
 И ведетъ ее къ Востоку
 Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь ;
 Имъ спасовится не въ мочь.
 Ни побоища, ни спана ,
 Ни надгробнаго кургана
 Не вспрѣчаепъ Царь Дадонъ

Что за чудо? мыслишь опъ.
 Вопъ осмой ужъ день проходишъ,
 Войско въ горы Царь приводишъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Вишишъ шелковой шаперъ.
 Все въ безмолвіи чудесномъ
 Вкругъ шапра; въ ущельи шесномъ
 Рашь побитая лежишъ.
 Царь Дадонъ къ шапру съшишъ...
 Что за спрашная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шеломовъ и безъ лашъ
 Оба мершвыя лежатъ,
 Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средъ луга,
 По приподнятной прапавѣ
 По кровавой муравѣ.....
 Царь завыль: охъ дѣти, дѣти!
 Горе миъ! попались въ сѣни
 Оба наши сокола!

Горе! смерть моя пришла.
Весь завыли за Дадономъ,
Застопала пляжкимъ спономъ
Глубь долинъ и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся . . . и девица ,
Шамаханская Царица,
Вся сияя какъ заря,
Тихо встремила Царя.
Какъ предъ солнцемъ птица почн,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи
И забылъ онъ передъ пей
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатерь свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ ясивомъ угощала,
Уложила опыхашъ

На парчевую кровать
 И потомъ недѣлю ровно —
 Покорясь ей безусловно
 Околованъ, восхищенъ,
 Пировалъ у неї Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
 Со своею силой ратной
 И съ дѣвицей молодой
 Царь отправился домой.
 Передъ нимъ молва бѣжала,
 Быль и небыль разглашала.
 Подъ столицей, близъ воронъ
 Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ
 Всъ бѣгутъ за колесницей
 За Дадономъ и Царицей —
 Всехъ привѣтствуя епъ Дадонъ. . . .
 Вдругъ въ толпѣ увидѣли онъ,
 Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
 Весь какъ лебедь посѣдѣлый

Спарый другъ его сконецъ.

А ! здорово, мой отецъ,

Молвилъ Царь ему, чюо скажени?

Подъ поближе, чюо прикажешъ?

Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ ,

Разочпемся на конецъ.

Помнишь? за мою услугу

Обѣщался мнѣ, какъ другу,

Волю первую мою

Ты исполнить какъ свою.

Подарижъ ты мнѣ дѣвицу,

Шамаханскую Царицу

Крайне Царь былъ изумленъ.

Чюо ты? Спарцу молвилъ онъ,

Или бѣсь въ тебя ввернулся,

Или ты съ ума рехнулся.

Чюо ты въ голову забралъ?

Я конечно обѣщалъ,

Но всему же есТЬ граница.

И за чѣмъ тебѣ дѣвица?

Полно знаешь ли кто я?

Попроси ты отъ меня

Хоть казну, хоть чинъ боярской,

Хоть копя съ конюшим Царской,

Хоть поль Царства моего. —

— Не хочу я ничего.

Подари ты мнѣ дѣвицу,

Шамахансскую Царицу —

Говорить мудрецъ въ опившъ —

Плюнулъ Царь: такъ лихъ же, иши!

Ничего ты не получишь.

Самъ себя ты грѣшникъ мучишь —

Убирайся, цѣлъ пока;

Оппишище спарика! —

Спаричокъ хотѣлъ заспоришь,

Но съ инымъ накладно вздоришь;

Царь хватилъ его жезломъ

По лбу; топтъ упалъ вичкомъ

Да и духъ вонъ. — Вся сполница

Содрогнулась — а дѣвица

Хи хи хи да ха ха ха !
 Не боится знать греха.
 Царь хопъ быль вспревоженъ сильно,
 Усмѣхнulся ей умильно —
 Вопъ — въѣзжаещъ въ городъ онъ....
 Вдругъ раздался легкой звонъ
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спины,
 Къ колесницѣ полетѣлъ
 И Царю на темя сѣлъ,
 Вспрепенулся, клюнулъ въ темя
 И взвился... и въ шоже время
 Съ колесницы, паль Дадонъ —
 Охнуль разъ — и умеръ онъ —
 А Царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе небывало —

• • • • • • • • •

• •

С К А З К А.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

С К А З К А

о

Р Ы Б А К Ъ И Р Ы Б К Ъ.

Жилъ стариkъ со своею спарухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Стариkъ ловилъ неводомъ рыбу
Спаруха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ морѣ закинулъ неводъ,

Пришелъ неводъ съ одпою шиной.
 Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
 Пришелъ неводъ съ шправой морской.
 Въ трепій разъ закинулы онъ неводъ,
 Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
 Съ непросплю рыбкой, золотою.
 Какъ взмолится золотая рыбка,
 Голосомъ молвишъ человѣчимъ:
 «Оппуспи шы, спарче, меня въ море,
 Дорогдой за себя дамъ откупъ:
 •Откуплюсь чѣмъ шолько пожелаешь.»
 Удивился старикъ, испугался:
 Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
 И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
 Оппуспилъ онъ рыбку золотую
 И сказалъ ей ласковое слово:
 Богъ съ тобою, золотая рыбка!
 Твоего мнѣ откупа не надо;
 Ступай себѣ въ синее море,
 Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Воропился спарикъ ко спарухѣ
 Рассказалъ ей великое чудо.
 Я сегодня поймалъ было рыбку,
 Золотую рыбку, непроспшую;
 По нашему говорила рыбка,
 Домой въ море синее просилась,
 Дорогою цѣною опкупалась:
 Опкупалась чѣмъ только пожелаю.
 Не посмѣль я взяпь съ нее выкупъ;
 Такъ пуспимъ ее въ синее море.
 Спарика спаруха забранила
 Дурачина ты, простилия!
 Не умѣль ты взяпь выкупа съ рыбки!
 Хоть бы взялъ ты съ нее корыто,
 Наше то совсѣмъ раскололось.
 Вонъ пошелъ онъ къ синему морю:
 Видитъ: море слегка разыгралось.
 Спала онъ кликать золотую рыбку,
 Приплыла къ нему рыбка и спросила:
 Чего тебѣ надобно, спарче?

Ей съ поклономъ спарикъ отвѣчаетъ:
 Смилуйся, Государыня рыбка,
 Разбранила меня моя спаруха,
 Не даетъ спарику мнѣ покою:
 Надобно ей новое корыто;
 Наше пю совсѣмъ раскололось.
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 Не печалься, спутай себѣ съ Богомъ,
 Будешь вамъ новое корыто.
 Воротился спарикъ ко спарухѣ,
 У спарухи новое корыто.
 Еще пуще спаруха бранится:
 Дурачина ты, проспофия!
 Выпросилъ, дурачина, корыто!
 Въ корытѣ много - ли корысти?
 Ворошись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
 Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
 Вопль пошелъ онъ къ синему морю,
 (Помутнело синее море)
 Сталъ опль кликать золотую рыбку,

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 Чего тебѣ надобно, старче?
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 Смиуйся, Государыня рыбка:
 Еще пуще старуха бранится,
 Не даешь старику мнѣ покою:
 Избу просишь сварливая баба.
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
 Такъ и бышь: изба вамъ ужъ будеши.
 Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
 А землянки нѣпѣ ужъ и слѣда;
 Передъ нимъ изба со свѣтлкой
 Съ кирпичною, бѣленою трубою
 Съ дубовыми, пѣсовыми ворошы
 Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
 На чёмъ свѣтишь споишь мужа ругаешь.
 Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Ворошись, поклонись рыбѣ:

Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою Дворянкой.

Пошел старикъ къ синему морю;
(Не спокойно синее море).

Стали опь кликать золотую рыбку,
Принесла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Пуще прежнаго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.

Воропился старикъ къ старухѣ,
Что - жъ опь видитъ? Высокій перемъ.
На крыльца споитъ его старуха;

Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ ,
 Парчевая на маковкѣ кичка,
 Жемчуги окружили шею,
 На рукахъ золотыя перстни,
 На ногахъ красные сапожки.
 Передъ нею усердные слуги;
 Она бѣшь ихъ, за чупрунъ шаскаешъ.
 Говоритъ спарикъ своей спарухѣ:
 Здравствуй, барыня сударыня дворянка !
 Чай ! теперь твоя душенька довольна.
 На него прикинула спаруха,
 На конюший служить его послала.

Вопль педѣля, другая проходитъ,
 Еще пуще спаруха вздурилась :
 Опять къ рыбкѣ спарика посылаешь :
 Воротись, поклонися рыбкѣ :
 Не хочу быть сполбовою дворянкой ,
 А хочу быть вольною Царицей .
 Испугался спарикъ, взмолился :

Часть IV.

Что ты, баба, белены объѣмась?
 Ни спутишь, ни молвить не умѣешь,
 Насмѣшишь ты цѣлое царство.
 Осердилася пуще спаруха,
 Но щекѣ ударила мужа,
 Какъ пы смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой сполбовою? —
 Спупай къ морю, говоряшъ тебѣ чеснью,
 Не пойдешь поведушъ по неволѣ.

Спаричокъ отправился къ морю
 (Почерпѣмо синее море)
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 Чего тебѣ надобно, старче?
 Ей съ поклономъ спарикъ отвѣчаетъ:
 Смируйся, Государыня рыбка!
 Опять моя спаруха бунтуется:
 Ужъ не хочетъ быть она дворянкой
 Хочетъ быть вольною Царицей.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, спунай себѣ съ Богомъ!
Добро! будеши спаруха Царицей! —

Спаричокъ къ спарухѣ воротился
 Чѣмъ? предъ нимъ Царскія палаты,
 Въ палашахъ видѣшъ свою спаруху,
 За столомъ сидишъ она Царицей,
 Служатъ ей Бояре, да Дворяне,
 Наливаютъ ей заморскія вины;
 Задѣаетъ она пряникомъ печатнымъ;
 Вкругъ стоиши ея грозная спражка,
 На плечахъ шпорики держатъ.
 Какъ увидѣши спарикъ, испугался;
 Въ ноги онъ спарухѣ поклонился,
 Молвишъ, здравствуй, грозная Царица!
 Ну теперь твоя душенька довольна.
 На него спаруха не взглянула,
 Лишь съ очей прогнашъ его вѣла.
 Подбѣжали Бояре и Дворяне,

Спарика въ зашем заполкали.
 А въ дверяхъ-то спрauga подбѣжала,
 Топорами чушь не изрубила;
 А народъ шо надъ нимъ насмѣялся :
 По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа !
 Впредъ тебѣ, невѣжа, наука :
 Не садися не въ свои сани ! —

Вонъ недѣля, другая проходиша,
 Еще пуще спаруха вздурилась :
 Царедворцевъ за мужемъ посылаешь,
 Отыскали спарика, привели къ ней.
 Говоришъ спарику спаруха :
 Ворошись, поклонися рыбѣ,
 Не хочу быти вольною Царицей,
 Хочу быти владычицей морскою,
 Чтобы жити мнѣ въ Окіанѣ морѣ,
 Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
 И была бъ у меня па посылкахъ.

Спарикъ не осмѣлился перечинть,
 Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
 Вопль идешъ онъ къ сиinemу морю,
 Видишъ, на морѣ черная буря :
 Такъ и вздулись сердитыя волны,
 Такъ и ходяши, такъ воемъ и воюшъ.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
 Принима къ нему рыбка, спросила :
 Чего тебѣ надобно, спарче ?
 Ей спарикъ съ поклономъ отвѣчаетъ :
 Смируйся, Государыня рыбка !
 Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой ?
 Ужъ не хочешъ бытъ она Царицей,
 Хочетъ бытъ владычицей морской ;
 Чтобъ жить ей въ Окіанѣ морѣ,
 Чтобы ты сама ей служила
 И была бы у неї на посылкахъ . —
 Ничего не сказала рыбка,
 Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
 И ушла въ глубокое море .

Долго у моря ждалъ онъ ошвѣша,
Недождался, къ спарухѣ воропился — —
Глядь: опять передъ нимъ землянка;
На порогѣ сидитъ его спаруха,
А предъ нею разбитое корыто.

РАЗГОВОРЪ

КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Р А З Г О В О Р Ъ

Книгопродавца съ Поэтомъ. *

Книгопродавецъ.

Спинки для васъ одна забава,
 Немножко споиншь вамъ присѣспи,
 Ужъ разгласишь успѣла слава
 Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть :
 Поэма, говоряшь, гопова,
 Плодъ новый умспивенныхъ запѣй.

* Было напечатано при первой главѣ Онѣгина.

И такъ рѣшите; жду я слова:
 Назначите сами цѣну ей.
 Спишки любимца музъ и грацій
 Мы вмнгъ рублями замѣнимъ,
 И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
 Листочки ваши обращимъ.
 О чемъ вздохнули такъ глубоко,
 Не льзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:
 Я время то воспоминаль,
 Когда, надеждами богатый,
 Поэтъ беспечный, я писалъ
 Изъ вдохновенья, не изъ плаши.
 Я видѣлъ вновь пріоны скаль
 И темный кровъ уединенья,
 Гдѣ я на пиръ воображенья,
 Бывало, музу призываю.
 Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;

Тамъ долѣ лркія видѣнія,
 Съ неизъяснимою красой,
 Вились, лепили надо мной
 Въ часы ночнаго вдохновенія.
 Все волновало пѣжный умъ:
 Цвѣтущій лугъ, луны бліспанье,
 Въ часовиѣ ветхой бури шумъ,
 Спарушки чудное преданье.
 Какой - то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ;
 За мной повсюду онъ лепилъ,
 Миѣ звуки дивные шепталъ,
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя раждались;
 Въ размѣры спройные спекались
 Моя послушныя слова
 И звонкой рѣмой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,

Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопотъ рѣчки тихоструйно
 Тогда, въ безмолвіи прудовъ,
 Дѣлишься не бывъ я гоповъ
 Съ полпою пламеннымъ воспоргомъ,
 И музы сладоспиныхъ даровъ
 Не унижаль постыднымъ торгомъ;
 Я бывъ хранишель ихъ скуной:
 Такъ точно, въ гордосипи пѣмой,
 Опь взоровъ черни лицемѣрной
 Дары любовницы младой
 Хранишъ любовникъ суевѣрной.

Книゴродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтанья шайнаго оправды:
 Вы разошлися по рукамъ,
 Межъ пѣмъ, какъ пыльныя громады
 Лежаюй прозы и спиховъ

Напрасно ждуть себѣ чтецовъ,
И вѣщеннай ся награды.

П о э тъ.

Блаженъ, кто про себя шанъ
Души высокія созданья,
И опъ людей, какъ опъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:

Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
 Ихъ сладкозвучныя шворенья.
 И впрямъ, завидѣнъ вашъ удѣль:
 Поэпъ казнишъ, поэтъ вѣчаетъ;
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣль:
 Въ потомешвъ дальнемъ поражаешь;
 Героевъ упѣшаешь онъ;
 Съ Коринной на Києрскій тронъ
 Свою любовницу возносишъ.
 Хвала для васъ докучный звонъ;
 Но сердце женщинъ славы проситъ:
 Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
 Пріяшиа леспъ Анаkreона:
 Въ младыя лѣта розы намъ
 Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
 Упѣхи юности безумной!
 И я, средь бури жизни шумной,

Искалъ вниманья красоты.
 Глаза прелестные чипали
 Меня съ улыбкою любви;
 Уста волшебныя шептали
 Миъ звуки сладкіе мои:
 Но полно; въ жерпву имъ свободы
 Мечтатель ужъ не принесетъ;
 Пускай ихъ юноша поетъ,
 Любезный баловень природы.
 Что миъ до нихъ? Теперь въ глухи
 Безмолвно жизнь моя несется;
 Стона лиры вѣрной не коснется
 Ихъ легкой, вѣтреной души;
 Нечисто въ нихъ воображенье:
 Не понимаешь нась оно,
 И, признакъ Бога, вдохновенье
 Для нихъ и чуждо и смѣшно.
 Когда па память миъ невольно
 Придешъ внушенный ими стихъ,
 Я содрагаюсь, сердцу больно:

Миъ спыдно идоловъ моихъ.

Къ чему, несчастныій, я спремился?

Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?

Кого восторгомъ чистыхъ думъ

Богошворить ни устыдился?

Книго продавецъ.

Люблю вашъ тг҃бвъ. Таковъ поэтъ!

Причины вашихъ огорченій

Миъ знать нельзѧ; но изключеній

Для милыхъ дамъ уже ли нѣшь?

Уже ли ни одна не споитъ

Ни вдохновенья, ни спраспей,

И вашихъ пѣсень не присвоитъ

Всесильной красотѣ своей?

Молчите вы.

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту

Тревожить сердца тяжкій сонъ?

Безплодно память мучить силь.
 И что жь? Какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чужой. Душа моя
 Хранишь ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ шишинѣ?
 Гдѣ та была, копорой очи,
 Какъ небо, улыбались мнѣ?
 Вся жизнь, одна ли, дѣлъ ли почти?

• • • • • • • • • •

И что жь? Докучный спонъ любви,
 Слова покажущія мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ.
 Тамъ сердце ихъ поймешь одно,
 И что съ печальнымъ содраганьемъ:
 Судбою такъ ужъ решено.
 Ахъ, мысль о той души завалой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой

Часть IV.

Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясные мои;
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земныхъ воспорговъ изліяния,
 Какъ божеству, невужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью ушомленной,
 Наскуча лепетомъ молвы,
 Заранѣ опоказались вы
 Опъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И музъ, и вѣтреную моду,
 Что жъ изберете вы?

П о э тъ.

Свободу.

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вонъ же вамъ совѣшь;
 Внемлише испинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ шоргашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣшь.
 Что слава? Яркая заплата
 На вешхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но васъ я знаю, господа:
 Вамъ ваше дорого творенье,
 Пока на пламени шруда
 Кипишъ, бурлишъ воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда
 Постыло вамъ и сочиненье.

*

Позвольте просто вамъ сказать:
 Не продаётся вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходяты
 Неперпѣливые чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощіе пѣвцы:
 Кто проситъ пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера;
 И, признаюсь, опѣтъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
 Условимся.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМЪ.

1.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго.)

Чистый лоснится поль; стеклянныя чаши блестяющи;
 Всъ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняешь, зажмуряясь,
 Ладона сладостный дымъ; другой открываешь амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣплой, студеной воды, золотистые хлѣбы,
янтарный
 Медъ и сыръ молодой: все гопово; весь убранъ,
цвѣшами

Жершвеникъ. Хоры поюшъ. Но въ началѣ праپезы,
о други,
Должно шворитъ возліанья, вѣщать благовѣція рѣчи,
Должно Безсмертныхъ молитъ, да сподобяшъ насть
чистой душою
Правду блюспи: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы
присступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираясь; по
слава
Гостю, который за чашей бесѣдуешь мудро и пихо!

2.

(Изъ Авенел.)

Славная флейта, Θеонъ, здѣсь лежишъ. Предводишаля
хоровъ
Спарецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, иѣкогда Скирналь
родилъ
И вдохновенный, нарекъ младенца Θеопомъ. За чашей
Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятныій Θеонъ.
Славиль и Вапала онъ, молодаго красавца: прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Θеонъ!

Э Л Е Г И Я.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мне тяжело какъ смущное похмѣлье.
 Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ чѣмъ спарѣ, шѣмъ сильнѣй.
 Мой путь унылъ. Сулишь мнѣ трудъ и горе
 Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирашь;
 Я жить хочу, чтобъ мыслишь и спрадаишь,
 И вѣдаю, мнѣ будущъ наслажденья
 Межъ горестей, заботъ и преволенія:
 Порой опять гармоніей упьюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
 И можешьъ бытъ — на мой закашъ печальной
 Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

ПРЕДИСЛОВИЕ

КЪ ПѢСНЯМЪ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижъ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, receuillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'herzegowine. Неизвестный Издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что собирая нѣкогда безъискусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своимъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и прог. Сей неизвестный собиратель былъ никто иной какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, Авторъ Театра

Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣтительныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской Литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ Славенской Поэзіи, не усмѣнился въ подлинности сихъ пьесъ, а какой-то ученый Нильецъ написалъ о нихъ пространную диссертацио.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чёмъ основано изображеніе странныхъ сихъ пьесъ: С. А. С., по моей просьбѣ, писалъ о томъ, къ Мериме, съ которыми былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтѣ полутилъ слѣдующее письмо:

Paris 18 Janvier 1835.

Je croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le proté compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un

joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée mais nous étions fort légers d'argent et cette „douleur nompareille“ comme dit Rabelais nous arrêtais au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je

demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à Midi et je me levais à dix heure, quand j'avois fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivois une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée : d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en seroit facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots Illyriques pour faire parade de son savoir (il en savoit peut-être autant que moi). J'ai receuilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avois lu le chapitre intitulé De costumi dei

Morlachi dans le voyage en Dalmatie de Fortis.
 Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est reellement Illyrique; mais cette traduction étoit en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étoient répétés avec l'enterprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étois embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avoit déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avoit traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avois pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u *gorje zelenoi*

Fortis à traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*
 Nodier a traduit bosco, par *plaine verdoyante*;

c'étoit mal tomber, car on me dit que *gorje*
veut dire colline. Voila mon histoire. Faites
mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et
honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

ПЪСНИ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

1.

ВИДЪНИЕ КОРОЛЯ. 1)

Король ходитъ большими шагами
 Вздъ-и-впередъ по палашамъ;
 Люди сиять — королю лишь не спится:
 Короля Султанъ осаждаетъ,
 Голову отсѣчь ему грозится
 И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
 Не услышитъ ли какого шума?

Слышитъ, воепть ночная птица,
 Она чуепть бѣду неминучу,
 Скоро сїй искать новой кровли
 Для своихъ птенцевъ горемычныхъ.

Не сова воепть въ Ключь-Градѣ,
 Не луна Ключь-Городъ озареши,
 Въ церкви Божіей гремяши барабаны,
 Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
 Никто свѣща въ церкви Божіей не видитъ,
 Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
 Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
 И идешъ одинъ въ Божію церковь.

Спалъ на паперти, дверь отворяется...
 Ужасомъ въ исмъ замерло сердце,
 Но великую творину опъ молилъ
 И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тупъ онъ видитъ чудное видѣніе:
 На помосиѣ валюются трупы,
 Между ими хлещетъ кровь ручьями
 Какъ потоки осени дождливой.
 Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
 Кровь по щиколку ²⁾ ему досягаетъ . . .

Горе! въ церкви Турки и Ташары
 И предатели враги *Богумилы*. ⁵⁾
 На амвонѣ самъ Султанъ безбожный
 Держитъ онъ на голо саблю,
 Кровь по сабль свѣжая спруиняется
 Съ воспиря до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
 Тупъ-же видитъ онъ отца и брата.
 Предъ Султаномъ старикъ бѣдный сирава
 Униженно стоя на колѣнахъ,
 Подаетъ ему свою корону;
 Съѣва, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаянныи,
Бусурманкою чалмою покрытый,
(Съ шою самого веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуешь,
Какъ холопъ наказанный фалангой. 4)

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, расшопталъ ногами,
И промолвилъ попомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моей ты власщениномъ,
Для гиуръ-христіяниъ беглербеемъ. 5)
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣмля.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дашь кафтанъ Радивою! 6)
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрапъ на кафтанъ Радивоя
Кожу съ братца его роднаго.»

Бусурмане на короля наскочили,
 До нага всего его раздѣли,
 Ашаганомъ ему кожу вспороли,
 Спали драшь руками и зубами,
 Обважили и мясо и жилы,
 И до самыхъ костей ободрали,
 И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
 «Правъ ты, Боже! меня наказуя!
 «Плошь мою предай на распирзанье,
 «Лиши помилуй мнъ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
 Все внезапно упихнуло, померкло, —
 Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ попсемкахъ
 Кое-какъ до двери добрался,
 И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,⁷⁾
И пошли бусурмане на приступъ.

2.

ЯНКО МАРИАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Мариавичъ?
 Что ему дома не сидится?
 Опѣч чего двухъ иочей онъ сряду
 Подъ одною кровлей не иочуешь?
 Али недруги его могуучи?
 Аль боится онъ кровомщелья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
 Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
 Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
 Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,⁸⁾
 И были по Богу братья;
 Но Кирила несчастливый умеръ
 Опь руки имъ избраннаго браша.

Веселое было пирование,
 Много пили меду и горѣлки;
 Охмѣли, обезумили гости,
 Два могучіе Беи поборолись.

Янко выспрѣлиль изъ своего писцоля.
 Но рука его пьяная дрожала.
 Въ супротивника своего не попалъ онъ,
 А попалъ онъ въ своего друга.
 Съ того времени онъ плоскуя бродитъ,
 Словно воль ужаленный змію.

Наконецъ онъ на родину воропился,
 И вошелъ въ церковь свяпаго Спаса.
 Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
 Горько плача и жалостно рыдая.
 Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
 И опужиналь со своей семьею,
 Попомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
 «Посмотри, жена, ты въ окошко.
 Видиши ли церковь Спаса описель?»
 Жена вспала, въ окошко поглядѣла,
 И сказала: «На дворѣ полночь,
 За рѣкою густые шуманы,
 За шуманомъ ничего не видно.»
 Повернулся Янко Марнавичъ,
 И тихонько спаль читать молитву.

Помолившись, онъ опять сї молвилъ:
 «Посмотри, что ты видиши въ окошко?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу, воинъ, малый огоніёчикъ

Чупъ-чупъ брежжепъ въ шемнотѣ за рѣкою.
 Улыбнулся Янко Марнаевич,
 И опять спалъ тихонько молипись.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
 «Ошвори-ка, женка, шы окошко:
 Посмоши, чпо шамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ, и съ поспели свалился.
 Тупъ и смерть ему приключилась.

5.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ. 9)

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Онъ вдешъ войной на бусурмана.
 А Далматы, завида наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На бекренъ надѣли свои шапки,
 И сказали: «Возьмите нась съ собою: 10)
 Мы хопимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ принялъ

И сказалъ имъ: «Милоспти просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Спали жечь Турецкія деревни,
 А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. 11)
 Беглербей со своими Бошняками
 Пропивъ насъ пришелъ изъ Банялукі; 12)
 Но лишь только заржали ихъ кони,
 И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
 Заеверкали у Зеницы-Великой,
 Разбѣжались измѣники Далмашы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ пѣбою
 И раскажемъ эту битву нашимъ дѣннямъ.»
 Спали битъся мы тогда жестоко,
 Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ спонъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острѣя по самой рукоятки.
 Но когда черезъ рѣчку спали
 Тѣсной кучкою мы переправляться,

Селихтарь ¹³⁾ съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣши,
 «Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 «Намъ управиться съ ними невозможно.
 «Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 «И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,
 Но и тушъ насъ пало девяносто.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего воронаго;
 Черезъ рѣчку вплывь переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчишъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тушъ враги на него паскочили,
 Отрубили голову Радивою.

4.

ӨЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

• • • • • • • • • • • •

Спамапи быль спаръ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-шо его отполкнула,
Что ушелъ онъ охая да хромая.
По дѣломъ тебѣ, спарый безстыдникъ!
Ай да баба! ошѣмалась славно!

Вопъ Спамати спалъ думашъ луму:
 Какъ ему погубишъ бы Елену?
 Онъ къ Жиду лиходѣю приходишъ,
 Отъ него онъ требуешъ совѣша.
 Жидъ сказалъ: «Спунай на кладбище,
 Опышчи подъ каменьями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ».

На кладбище приходишъ Спамати,
 Опыскалъ подъ каменьями жабу, 14)
 И въ горшкѣ Жиду ее приносишъ.
 Жидъ на жабу проливаешъ воду,
 Нарекаепъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Нарещи такої поганой швари!).
 Они жабу всю попломъ изкололи,
 И ее — ея жъ кровью напоили;
 Напоивши, заспавши жабу
 Облизали поспѣльную сливу.

Часть IV.

И Спамати мальчику молвилъ:

«Опнеси ты Еленъ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленъ сливу,
А Елена спопчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелилася.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою менышую.
Та ес молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Спала пухнушъ прекрасная Елена,
Спали башть: Елена брюхата.
Каково - то будешъ ей отъ мужа,
Какъ воропинися онъ изъ-за моря!
И Елена спыднися и плаченъ,
И на улицу выдти не смѣенъ,

День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминушио сестрицъ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Феодоръ,
Воропился на свою споронку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встречу,
Всѣ его привѣтно поздравляють;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ не ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смущился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постель сидитъ его Елена.
«Встань Елена,» говорить Феодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,

Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ:
Опъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Опсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну есъ живаго,
При себѣ воспинывать буду.
Я увижу, на кого онъ походилъ,
Такъ навѣрно онца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распороль онъ мерцвое тѣло.
Что-жъ! — на мѣсто милаго дишляти,
Онъ черную жабу находилъ.
Взвылъ Феодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену поизрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
 Спалъ ес цѣловашъ умиленно,
 И мерпвыя успа опворились,
 Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и спарый Спамати
 Черной жабой меня окормили.»
 Тутъ опять успа ея сомкнулись
 И языкъ переспалъ шевелившись.

И ѡеодоръ Спамати зарѣзаль,
 А Жида убилъ какъ собаку,
 И опипѣль по женѣ панихиду.

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. 15)

Какъ покинула меня Парасковья
 И какъ я съ печали промошался,
 Вонъ Дамашъ пришелъ ко мнѣ лукавый :
 «Ступай, Дмишрій, въ морской шы городъ,
 Тамъ цехины чпо у насть каменъя.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
 И только чпо пьюшъ да гуляюшъ :

Скоро шамъ ты разбогатѣшь,
И воротишься въ шипомъ долиманѣ
Съ кипжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебѣ закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Ворошись, когда разбогатѣшь.»

Я послушался лукаваго Даимата.
Вопѣ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣються,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я заявятъ какъ пересаженный кусинъ.

Какъ у насъ бывало кого вспрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дми́трій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добра го привѣща,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Запесенная въ озеро бурей.

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острывхъ каменяхъ
 Приншался храбрый Гайдукъ Хризичъ. 16)
 Съ нимъ жена его Кашериша,
 Съ нимъ его два милые сына,
 Имъ нелься изъ пещеры выдти,
 Сперегутъ ихъ недруги злыie.
 Коли чушь они голову подымушъ,
 Въ нихъ прицѣляшся шотчасъ сорокъ ружей.

Они три дня, три ночи не ъели,
 Пили только воду дождевую,
 Накопленную во впадинѣ камня.
 На четвертый взошло красно-солнце,
 И вода во впадинѣ изсякла.
 Тогда молвила, вздохнувши, Катерина :
 «Господь Богъ! помилуй наши души!»
 И упала мершвая на землю.
 Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли;
 Они только очи оширили
 Какъ опѣ ихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день спаршій сынъ обезумѣлъ,
 Спалъ глядѣть онъ на мершую машерь,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ спаршему брату :
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моей крови,
 А умремъ мы голодною смертью,

Спашемъ мы выходиши изъ могилы
 Кровь сосапъ нашихъ недруговъ спящихъ » 17)
 Хризичъ вспалъ и промолвилъ: «Помно!
 «Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажды.»
 И вѣт прое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ проспрѣленъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на копья свои насадили, —
 А и шупль глядѣть на нихъ не смыли.
 Такъ имъ спрашено былъ Хризичъ съ сыновьями.

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Иакинфа Маглиновича. 18)

Съ Богомъ, въ дальниою дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтлѣй мѣсяцъ; ночь ясна
 Чарка выпила до дна.

Пуля легче лихорадки;
 Воленъ умеръ ты какъ жилъ.
 Врагъ твой мчался безъ оглядки;
 Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай пасъ за могилой,
 Коль сойдешься какъ-нибудь;
 Опъ меня опцу, брашъ милой,
 Поклонишься не забудь!

Ты скажи ему, что рана
 У меня ужъ зажила;
 Я здоровъ, — и сына Яна
 Минъ хозяйка родила.

Дѣду въ чеспѣ онъ названъ Яномъ:
 Умный мальчикъ у меня;
 Ужъ владѣешъ Ашаганомъ,
 И спрѣляешъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
 Съ мужемъ ей не скучно шамъ.
 Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
 Живъ иль иѣшь, — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!

Путъ найдешь ты, слава Богу.

Свѣшишь мѣсяцъ; ночь ясна

Чарка выпита до дна.

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воропъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ пимъ идешъ незнакомецъ,
 Бѣденъ онъ и чупъ ноги волочинѣ,
 Проситъ онъ напиться, ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.

Вопль, напившись, говорить опъ Маркъ:
 «Это чпо подъ горою шамъ видно?»
 Отвечаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое»
 Говорить незнакомый прохожій:
 «Опдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому чпо мнѣ жить ужъ не долго.»
 Тутъ широкій розвилъ опъ поясь,
 Кажеться Маркъ кровавую рану.
 «Три дня, молвили, ношу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свинцовую пулью.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою ивой.
 И со мной положи мою саблю,
 Потому чпо я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко спалъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ

Поддержать гостя нашего долъ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ся умеръ.

Марко сѣлъ на копя воронаго,
 Взялъ съ собою мертвое шѣло,
 И побѣхаль съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвича скоронили.
 Вопль проходилъ недѣля, другая,
 Сталъ худѣшь сыночкъ у Марка;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калуерь приходилъ, —
 Посмотрѣлъ на ребенка, и молвили:
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнию;
 Посмотри на бѣлую его шею:
 Видиши ты кровавую ранку? ¹⁹⁾
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Часть IV.

10

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
 Отправилась шопчась на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видяшъ, — прудъ румяный и свѣжій, —
 Ногти выросли какъ воронья когти,
 А лицо обросло бородою, —
 Алой кровью вымазаны юбы, —
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдныи Марко колочъ замахнулся,
 Но мертвѣцъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсь бѣгомъ пуснился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
 Спременами оспрытии язьима;
 И кусочки подъ нимъ шакъ и гнулись,
 А суки деревъ шакъ и прещали,
 Ломаясь какъ замерзлая прутья.

Калуерь могильною землю 20)
 Ребенка больнаго всего выперъ,
 И весь день пивориль надъ нимъ молили.

На закатъ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно шому двѣ недѣли,
 Въ эспу пору умеръ злой прохожій.*

Вдругъ собака громко завыла,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,
 Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Пополка головою касалсь.
 Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
 Неподвижно глядѣлъ на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
 Но спарикъ, молитвеникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣшку,
 И подулъ дымъ на великана.
 И запрясся Вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.

*

На другія сутки въ ту же пору
Песь замаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Быть онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
Сълъ онъ молча и спалъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молнией его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ шѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

9.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что шакое?»

Бонапартъ спросилъ:

«Правда ль: это племя злос,

«Не боится нашихъ силь?»

«Такъ раскаянся жъ нахамы:

«Объявить ихъ сшаршинамъ,

«Чтобы ружья и книжалы

«Всѣ иесли къ моимъ ногамъ.»

Вонъ онъ плещъ на насъ пѣхощу
 Съ сошибъ пушкъ и морширъ,
 И своихъ Мамлюковъ ропшу,
 И космашыхъ Кирасиръ.

Намъ сдавацься вѣнье охопы, —
 Черногорцы шаковы !
 Для коней и для пѣхопы
 Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши поры
 И гостей незваныхъ ждемъ, —
 Вонъ они вспутили, въ горы,
 Испребляя все кругомъ.

Идупъ пѣсно подъ скалами.
 Вдругъ, смятсіе! . . . Глядишь:

У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Спой! пали! Пускай каждый сбросить
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просить:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные съ шеиновъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Припалась между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ опять-таки
Мы Французамъ: — «Это чио?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, чио-ми?» Нѣшъ не шо!

Ихъ полковникъ повалился.
Съ нимъ спо двадцать человѣкъ.

Весь отрядъ его смущился,
Кто какъ могъ пускался въ бѣгъ.

И Французы ненавидяшь
Съ твоей поры нашъ вольный край,
И красньюшь, коль завидяшь
Шапку нашу не взначай.

10.

С О Л О В Е Й.

Соловей мой, соловейко
 Пишица малая лѣсная!
 У тебя ль у малой пишицы
 Незамѣтныя три пѣсни,
 У меня ли у молодца
 Три великия заботы!
 Какъ ужъ первая забота,
 Рано молодца женили;
 А впоря-шо забота, —
 Воронъ конь мой припомился;

Какъ ужъ претъя-то забоина —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайше мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадиши
Алы цвѣники цвѣиночки,
А въ ногахъ мнѣ проведиши
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.
Пойдутъ мимо снары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

44.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагъ грызутся,
 Отецъ съ сыномъ въ пещерь бранялъся.
 Старый Петро сына укорялъ:
 «Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый !
 Не боишься ты Господа Бога,
 Гдѣ тебѣ съ Султаномъ шлягаться,
 Воевать съ Бѣлградскимъ пашею !
 Аль о двухъ головахъ ты родился ?
 Пропадай ты себѣ, окаянныи,
 Да за чѣмъ ты всю Сербію губиши ?»

Опившись Георгий угрюмо:
 «Изъ ума спарикъ, видно, выжилъ,
 Коли лаешь безумныя рѣчи.»
 Старый Петро пуще осердился,
 Пуще онъ бранится, бушуетъ.
 Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
 Туркамъ выдать ослушнаго сына,
 Объявить убѣжище Сербовъ.
 Онъ изъ темной пещеры выходишь;
 Георгий спарика догоняетъ:
 «Воропися, отецъ, воропися!
 Отпусти миъ невольное слово.»
 Старый Петро не слушаетъ, грозится:
 «Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будешъ!»
 Сынъ ему впередъ забѣгаешьъ,
 Спарику кланяется въ ноги.
 Не взглянула на сына старый Петро.
 Догоняетъ вновь его Георгий,
 И хватаетъ за сивую косу.
 «Воропись, ради Господа Бога:

Не введи ты меня въ искушенье!
 Опинхнулъ спарикъ его сердце,
 И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
 Горько, горько, Георгій заплакалъ,
 Пистолепъ изъ-за пояса вынуль,
 Взвель курокъ, да и выспрѣмилъ тутъ же
 Закричалъ Петро, зашапавшись:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыхащенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
 Его машь вышла ему на вспрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Ошвѣчаепъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ спарикъ пьянъ напился,
 И заснуль на Бѣлградской дорогѣ.» ²¹⁾
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
 Коль убиль ты отца роднаго!»
 Съ той поры Георгій Петровичъ
 У людей прозывается Черный.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смиуйся Ты, Боже!
 Задаюшъ насъ волки Ялычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжущъ,
 Нашихъ женъ обижаюшъ, позоряшъ,
 Сыновей въ неволю забираюшъ,
 Красныхъ дѣвокъ засипавляюшъ въ насмѣшку
 Распѣватъ зазорныя пѣсни
 И плясашъ басурманскія пляски.
 Спарники даже съ нами согласны:
 Унимашъ насъ они переспали, —

Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насть въ глаза укоряютъ:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оныеухи?
Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
Или вы не мужчины, — спарухи?
Вы бросайше ваши бѣлые domы,
Уходите въ Велійское ущелье, —
Тамъ гроза гонювится на Туровъ,
Тамъ дружину свою собираешъ
Старый Сербингъ, воевода Милошъ.

13.

ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ бымъ Ваня блѣдныи:
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ пошу, отъ спраха блѣдныи,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдныи Ваня сле дышептъ,
Спопыкаясъ, чушъ бредептъ
По могиламъ; вдругъ онъ смышипъ, —
Кто-то коспъ, ворча, грызепъ.

Ваня спалъ; — шагнуть не можешъ.
Боже! думаешъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гможешъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горел малый я не сильный;
Съѣсть Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не сѣмъ.

Что-же? вмѣсто Вурдалака —
(Вы представыше Вани злость!)
Въ шемнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гможешъ кости.

14.

СЕСТРА И БРАТЬЯ 22).

Два дубочка выросли рядомъ,
 Между ими шапковерхая елка.
 Не два дуба рядомъ выросли,
 Жили вмѣстѣ два братца родные :
 Одинъ Павель, а другой Радула,
 А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всюкую ей оказывали милость ;
 На послѣдокъ сей ножъ подарили

Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, спало ей завидно;
 Говорить она Радуловой любѣ :
 «Невѣстушка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зелія шакова,
 Чтобъ сеспра омерзѣла братъяմъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова люба :
 «По Богу сеспра моя, невѣстка,
 Я не знаю зелія шакова;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала ;
 И меня братъя мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вопль пошла Павлиха къ водопою,
 Да зарѣзала коня воронаго,
 И сказала своему господину :
 «Самъ себѣ на зло сеспру ты любишъ,
 На бѣду даришъ ей подарки :
 Извела она коня воронаго.»
 Спалъ Елинцу допытывать Павель :

*

«За что эшо? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебъ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моей!»
Въ эту пору брашъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола шамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Спаль Елицу допытыватъ Павель:
«За что эшо? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебъ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моей!»
И въ эту пору брашъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола

Въ колыбелькѣ его золоченої.
 Рано утромъ къ мужу прибѣжалъ,
 Громко воя и лице терзая.
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишъ,
 На бѣду даришь ты ей подарки :
 Заколола у насъ она ребенка.
 А когда еще ты мнѣ не вѣриши,
 Осмошири ты ножъ ея злаченый.»
 Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
 Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтилицу :
 На перниѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
 Изъ ноженъ выпулъ его Павелъ, —
 Ножъ злаченый весь бымъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
 «Ой сестра, убей тѣба Боже !
 Извела ты коня воронаго,
 И въ саду сокола заколола ;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ опівѣчашъ :

«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моей!
 Коли жъ ты не вѣришъ моей клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привлжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
 Пусть они мое бѣлое шѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ эту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алые цветыочки;
 Гдѣ осипалось ея бѣлое шѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилася.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молодая Павлиха:
 Девятнадцать Павлиха все хворасши, —
 Выросла права сквозь ся косини,
 Въ этой правѣ лютый змѣй гнѣздился,

Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ почн.
 Люто страждешъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышнишь ли, господинъ ты мой, Павель,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повелъ ее къ сесстриной церкви,
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, моладая Павлиха,
 Здѣсь не будешь тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то моладая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди меня къ белому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ своихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любы послушался Павель,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.

Гдѣ пошла капля ся крови,
Выросло шамъ шернѣе да крапива;
Гдѣ осипалось ея бѣлое шѣло,
На шомъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываєшъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидишъ соколь птица,
.Лежишъ въ люлькѣ маленький мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той руکѣ пешкинъ ножъ золоченый.

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ 25.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
 Молодую красавицу Елицу,
 Любитъ онъ се два красныхъ лѣта,
 Въ третіе лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусѣ, Чешской королевиѣ.
 Съ прежней любой идетъ онъ просиницъ.
 Ей приноситъ съ червоцами чересь,
 Да гремучія серги золотыя,
 Да жемчужное пройное ожерелье,

Самъ ей вдѣлъ опъ серги золотыя,
 Навязаль на шею ожерелье,
 Далъ ей въ руки съ червоцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣмовалъ молча,
 И поѣхалъ своею дорогою.
 Какъ одна осипалася Елица,
 Деньги наземь она помешала,
 Изъ ушей выдерпula серги,
 Ожерелье на двое разорвала,
 А сама кинулась въ Мораву.
 Тамъ на днѣ молодая Елица:
 Водяною царицей очнулась,
 И родила маленькую дочку,
 И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходяшъ три года и болѣ,
 Королевичъ ъздилъ на охотѣ,
 Ъздинъ онъ по берегу Моравы;
 Захоопѣлъ онъ коня воронаго
 Напоинъ спуденою водою.

Но лишь только запъненную морду
 Супулъ конь въ спуденую воду,
 Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
 Хвашь коня за узду золотую!
 Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
 На уздѣ виситъ Водяница
 Какъ на уде пойманная рыбка, —
 Конь кружится по чистому лугу,
 Попрясая уздой золотою;
 Но спряхнувшъ Водяницы не можешъ.
 Чупъ въ сѣдлѣ усидѣль королевичъ,
 Чупъ сдержалъ коня воронова,
 Осадивъ могучею рукою.
 На шраву Водяница прыгнула
 Говорить ей Япышъ королевичъ:
 «Расскажи, какое ты шворенье:
 Женщина ль шебя породила,
 Иль Богомъ проклятая Вила?»
 Опивъчасть ему Водяница:
 «Родила меня молодая Елица,

Мой отець Янышъ королевичъ,
 А зовуягъ меня Водяницей.»
 Королевичъ при шакомъ опвѣцѣ
 Соскочилъ съ коня воронова,
 Обнялъ дочь свою, Водяницу
 И слезами заливаясь, молвилиъ:
 «Гдѣ, скажи, твоя матъ Елица?
 Я слыхалъ, что она попопула.»
 Опвѣчаетъ ему Водяница:
 «Машь моя царица водяная;
 Она власпивашъ надъ всѣми рѣками,
 Надъ рѣками и надъ озерами;
 Лишь не власпивашъ она синимъ моремъ,
 Синимъ моремъ власпивашъ Дивъ-Рыба.»
 Водяница молвилиъ королевичъ:
 «Такъ иди же къ водяной царицѣ,
 И скажи ей: Янышъ королевичъ
 Ей поклонъ усердный посылашъ,
 И у ней свиданія проситъ
 На зеленомъ берегу Моравы.

Завтра я зайду за отвѣтомъ.»

Они послѣ того разспались.

Рано утромъ, чупъ заря зардѣлась,
 Королевичъ надъ рѣкою ходилъ;
 Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
 Поднялась царица водяная,
 И сказала: «Янышъ королевичъ,
 У меня свиданія просылъ ты:
 Говори, чего еще ты хочешь?»
 Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
 Разгорѣлся снова въ немъ желанья,
 Спалъ манилъ ее къ себѣ на берегъ,
 «Люба шы моя, млада Елица,
 Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
 Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
 По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
 Королевичу Елица не винимаешь,
 Не винимаешь, головою киваешь:
 «Нѣпѣ, не выду, Янышъ королевичъ,

Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловатъся,
Крѣпче прежняго меня не полюбить.
Расскажи-ка мнѣ лучше хорошелько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Опѣваетъ Янышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жены не утѣшишъ.»

46.

К О Н Ъ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
 Что ты шею опустилъ;
 Не потряхиваешь гривой,
 Не грызешь своихъ удилиъ?
 Али я тебя не холю ?
 Али ѿшь овса не въ волю ?
 Али сбруя не красна ?
 Аль поводья не шелковы,
 Не серебрены подковы,
 Не злочены спремена ?

Отвѣчаетъ конь печальный :
 Опѣ шого я присмирѣлъ,
 Чѣо я слышу шопотъ дальний,
 Трубный звукъ и пѣнье спрѣлье;
 Опѣ шого я ржу, чѣо въ полѣ
 Ужъ недолго миѣ гулять,
 Проживать въ красиѣ и въ холѣ
 Свѣшлой сбруей щеголять;
 Чѣо ужъ скоро врагъ суровый
 Сбрую всю мою возьмешъ,
 И серебряны подковы
 Съ легкихъ ногъ моихъ сдерепъ ;
 Отѣ шого мой духъ и ноешъ
 Чѣо на мѣсто чапрака
 Кожей онъ твоей покроетъ
 Миѣ вспомѣвшія бока.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

- 1) **Өома I** былъ тайно умерщвленъ своими сыновьями Степаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Степанъ ему наследовалъ. Радивой, негодяя на брата за похищениe власни разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцию къ Магомету II. Степанъ, по внушению Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣженъ и бѣжалъ въ Ключь - городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ пленъ онъ не согласился принять Магомешанскую вѣру, и съ него содрали кожу.
- 2) **Щиколодка**, по Московскому нарѣчію щиколка.
- 3) Такъ называють себя некоторые Иллірійскіе раскольники.
- 4) **Фаланга**, наложные удары по пятамъ.

Часть IV.

12

- 5) Радивой никогда не имѣть этого сана ; и вѣс члены Королевскаго семейства неизрѣбены были Султаномъ.
- 6) Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.
- 7) Анахронизмъ.
- 8) Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящающійся духовными обрядами.
- 9) Незвѣстно къ какому произшествію относится эта пѣсня.
- 10) Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.
- 11) Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доспавалось отъ Мусульманъ и Христианъ. Участъ ихъ, замѣченъ В. Скопинъ, походилъ на участъ лепучей рыбы — М.
- 12) Баяллука, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.
- 13) Селихтаръ, меченосецъ.
- 14) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.
- 15) Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

- 16) Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имъютъ пристанища и живутъ разбоями.
- 17) Западные Славяне вѣрятъ существованію *Упырей* (vampire). См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.
- 18) Мериме помѣтилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакинѣ Маглановичѣ, неизвѣсно, существовалъ ли онъ когда нибудь; по станицы его Біографа имѣетъ необыкновенную прелестъ оригинальности и правоцѣдѣбія. Книга Мериме рѣдка и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина — поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'ai vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *l'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart¹⁾. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert ; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'est pas de peine à se décider à quitter un

1) Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglénovich lui-même.

maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Seign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation ¹⁾.

1) J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Seign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre ; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille dun riche Morlaque, nommé Zlarinovich.

Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et

s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques ¹⁾.

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours ²⁾. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique,

¹⁾ Espèce de bandits.

²⁾ Soldats de la police.

et je désirais beaucoup entendre un poëte en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas * * *, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire ; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros ; sa figure est prodigieusement basanée ; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin ; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une

partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir : ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son

verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement

jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils ainé me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

- 19) Вурдалаки, Вудкодаки, Упыри, мертвеецы, выходящие изъ своихъ могиль и сосущие кровь живыхъ людей.
- 20) Лѣкарствомъ опѣ укушенія Упыря служить земля, взятая изъ его могилы.

- 21) По другому преданию, Георгий сказалъ товарищамъ: Стариkъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.
- 22) Прекрасная эпическая поэма взята мною изъ Собрания Сербскихъ пѣсень Вука Стефановича.
- 23) Пѣсня о Янышѣ Короменичѣ въ подлиннике очень длинна и раздѣляется на несколько частей. Я перевелъ только первую, и то не всю.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	Страниц.
Гусаръ	5.
Сказка о чертвой царевицѣ и о семи богатыряхъ	15.
Будрысь и его сыновья.....	45.
Воевода	51.
Красавица. (Въ Альбомъ Г*****)	57.
Сказка о золотомъ ильшушкѣ.....	61.
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.....	75.
Разговоръ книгопродаца съ Познѣмъ.....	89.
Подражанія древнимъ	101.
Элегія	104.
Предисловіе къ пѣснямъ Западныхъ Славянъ	105.

Пѣсни Западныхъ Славянъ

1. Видѣніе Короля	115.
2. Янко Марнавичъ.....	121.
3. Битва у Зеницы-великой	125.
4. Оеодоръ и Елена	128.
5. Влахъ въ Венеції	154.
6. Гайдукъ Хризичъ	157.
7. Похоронная пѣсня, Іакинфа Маглановича.....	140.
8. Марко Якубовичъ	143.
9. Бонапартъ и Черногорцы	149.
10. Соловей	153.
11. Пѣсня о Георгіѣ Черномъ	155.
12. Воевода Милошъ	158.
13. Вурдалакъ.....	160.
14. Сестра и бранья.....	162.
15. Янычъ Королевичъ	169.
16. Конь	175.
Примѣчанія къ пѣснямъ Западныхъ Славянъ	177.

2364

